

УДК 811.161.1'33:801.81

**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ АЛЛЮЗИИ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ О. МАНДЕЛЬШТАМА**

Осадчая Мирослава

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород, Россия*

Фразеологические аллюзии в авторском дискурсе О. Мандельштама – явление достаточно редкое, но весьма показательное для осмысления особенностей языковой репрезентации авторской концептосферы. Рассмотрение фразеологических аллюзий в художественном контексте позволяет уточнить нюансы работы механизма фразеологизации и дефразеологизации значения.

Ключевые слова: фразеологическая аллюзия, дискурс, фразеологические трансформы, прецедентная ссылка.

Фразеологические аллюзии – достаточно частотный стилистический приём, разнообразящий художественную речь, вместе с тем, стилистическая маркированность фразеологических единиц делает их материалом, использование которого языковой личностью являются вариативно и концептуально обусловленной. Для творчества О. Мандельштама в целом использование фразеологических аллюзий нетипично. Тем интереснее отдельные примеры, поскольку авторский подход к использованию фразеологически связанного значения в качестве исходной базы для порождения сложных дискурсивных смыслов во-многом характеризует его творческий «почерк».

Фразеологические аллюзии у Мандельштама чаще встречаются в 1920 – 1930 гг., что особенно заметно при сравнении фактора фразеологической образности с определённым минимализмом в использовании фразеологии в ранний период. Попытки Мандельштама в 1920 – 1922 годы принять новую советскую власть сменились раздражением. Как писала вдова поэта: «в 23 году произошло нечто, резко изменившее положение Мандельштама, <...> он вдруг был снят со счетов. Имя его исчезло из списков сотрудников всех журналов» [4, с. 13]. Неблагополучной обстановкой вокруг Мандельштама объясняются его обвинения в адрес литературы: «Скандалом называется бес, открытый русской прозой, <...>. Скандал живет по засаленному паспорту, выданному *литературой*. Он – *исчадие* ее, любимое детище» [6, с. 683]. Так, в толковании В. И. Даля негативная оценочность отделяется от фразеологически связанного значения лексического компонента, используемого для прецедентной ссылки: «изъятое» из фразеологизма *исчадие ада* слово *исчадие* трактуется ‘в укоризненном смысле: чадо из ряду вон’ [2, II, с. 65]. В современном словаре *исчадие* не толкуется вне фразеологизма *исчадие ада* [9, с. 256], а этимология связывает его со словом *чадо* ‘детище,

порождение' [13, с. 361]. Этот смысл и поддержан вторым предикатом – *детище*. Обусловленная же фразеологизмом неодобрительная коннотация соответствует общему саркастическому тону этого текста.

Отмечаются и отдельные примеры использования приёма дефразеологизации, когда компоненты фразеологизма обретают синтаксическую самостоятельность в контексте. Так известное выражение *на злобу дня* использовано в следующем предложении из критической статьи Мандельштама, где речь идет о поэте О. Барбье, обвинённом в «плагиате» *газетного* очерка (взятого французом за основу своего произведения): «*умение использовать злобу газетного дня для своего вдохновения ничуть не умаляет, а увеличивает заслугу поэта*» [6, с. 304]. В данном контексте никак не проецируется исходная библейская образность, где слово *злота* означало 'забота' [2, с. 187]. А реализация фразеологически связанного значения 'актуальность, волнующая всех тема' наблюдается и в свободной синтаксической позиции.

Лежащее в основе значения фразеологизма «типичное представление присваивается конкретным носителем языка, употребляющим фразеологизм в речи, и, преломляясь через систему его ценностей, через его мировоззрение, приобретает тот или иной личностный смысл» [3, с. 81]. Соответственно, окказионально измененные фразеологизмы интересны тем, что трансформированная форма отражает субъективное осмысление исходной единицы.

Так, в раннем стихотворении Мандельштама «Царское село» аллюзия на фразеологизм прочитывается, поскольку контекст исключает прямое номинативное значение употребленного слова:

*И возвращается домой –
Конечно, в царство этикета,
Внушая тайный страх, карета
С мощами фрейлины седой,
Что возвращается домой...* [5, с.76].

Словарное определение однозначного слова *мощи* – 'высохшие останки людей, почитаемые церковью святыми и чудотворцами' [11, с. 368]. Фразеологически связанное значение данного лексического компонента 'очень исхудалый человек'. Однако в данном контексте кроме исхудалого вида имеется одновременно и «почитание» (возраста и придворного статуса), и ироничная насмешка над иссушенной «древней» старушкой, поскольку именование *фрейлина* имплицитно подразумевает «привлекательность». Таким образом, наличие ключевого компонента фразеологизма позволяет восстановить потенциальные смыслы фразеологической единицы.

Предметная основа многих фразеологизмов восходит к прототипическим, базовым символам культуры. Представление о том, что с помощью жребия можно узнать волю богов, распространено у многих народов. Фразеологизм *бросить жребий* связан с полярными оценками судьбы: о *жребии* говорят, если жизненный путь складывается либо тяжело, либо счастливо:

*Ты перенес свой жребий дивный
То негодуя, то шутя!* [5, с. 109].

Переменным компонентом во фразеологизмах со словом *жребий* указаны в словарях глаголы *бросать, кидать, метать* [7, с. 238]. Вместо *жребия* как одномоментного действия, определяющего будущее, *жребий* предстаёт как ‘чередование разных по удачливости периодов, которые как испытание надо *перенести*’ (этот глагол устойчиво сочетается со словом *невзгоды*). Общим в семантике с исходным фразеологически связанным значением предстает компонент смысла ‘непредсказуемость’.

Вообще, тема судьбы, выбора, рока актуальна для юного Мандельштама. В другом его раннем стихотворении «Медленно урна пустая...» встречаем ту же фразеологическую аллюзию:

...*Непонят, невынут, нетронут* –

Жребий, – и небо обманет,

И взоры в возможном потонут [5, с. 61].

Образная основа фразеологизма *тянуть жребий* в данном фрагменте раскрывается поэтапно, но порядок при этом «инверсивный»: надо бы *кинуть жребий*, затем *понять*. Такой контекст выявляет авторское недоверие к провиденциализму. Интересно, что стихотворение написано за месяц до принятия автором христианства, которое произошло, не взирая на иудаистское вероисповедание родителей и наперекор традиционному для России православию, – поэт перекрестился в Финляндии в протестантском храме по методистскому обряду.

В некоторых произведениях О. Мандельштама мы отмечаем использование фразеологических трансформов. Вообще, для фразеологических аллюзий, встречающихся в художественном дискурсе, характерно использование различного рода трансформаций. А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко, характеризуя способы трансформации фразеологизмов, отмечают «возможности их интуитивного семантического анализа в речи», когда встречается «отдельное употребление их субстантивных компонентов, сосредоточивающих вещественное содержание, “ядро” фразеологического значения» [7, с. 219], так отфразеологическая лексика обретает самостоятельный статус. Устаревшие формы лексем, закрепившихся в составе устойчивых фразеологических выражений, при авторском преобразовании формы фраземы служат ее опознавательным знаком. Тем самым видоизмененный фразеологизм может варьироваться или получать индивидуальную интерпретацию, оставаясь опознаваемым.

Например, в стихотворении «Где ночь бросает якоря...» Мандельштам свою неодобрительную оценку октябрьскому перевороту дает в гневном обращении: «*Сухие листья октября, Глухие вскормленники мрака, Куда летите вы?*» [5, с. 143]. Предположительная датировка 1917 годом объясняет обличительные интонации произведения:

Для вас потомства нет – увы! –

Бесполая владеет вами злоба,

Бездетными сойдете вы

В свои повапленные гробы... [5, с. 144].

В приведённом фрагменте наблюдается контаминация двух фразеологизмов. Контекст актуализирует смысл ‘умрете вы’, поскольку сохранена прецедентная

связь с фразеологизмом *сойти в могилу* [11, с. 186], окказионально видоизмененным – *сойти в гроб*. А вот ко второму фразеологизму отсылает слово *повапленные*. Значение глагола *повапить* в словаре В. И. Даля толкуется ‘выбелить или окрасить’, иллюстративным материалом приводится фраза из Евангелия от Матфея (XXIII, 27), даже без указания источника, как общеизвестная: «подобитесь гробам повапленным, раскрашенным снаружи» [2, III: с. 141]. В современном словаре уже приведена только причастная форма *повапленный*, причем в составе фразеологизма *гроб повапленный*. Используется для неодобрительной оценки кого-то, ‘скрывающего за привлекательным видом самые отрицательные, дурные качества’ [11, с. 155]. Таким образом, хотя здесь в контексте за словосочетанием *повапленные гробы* не мыслится одушевленный субъект оценки, (слово *гробы* выступает в прямом значении), сам устаревший глагол связан с фразеологизмом, вне которого уже не употребляется. Сохраняющаяся неодобрительная оценочность таким образом обусловлена именно его фразеологически связанным значением.

Думается, можно видеть фразеологические аллюзии и в следующем контексте, хотя опознаваемый «ключевой» компонент здесь видоизменен. «*А все-таки в Тенишевском были хорошие мальчики. Из того же мяса, из той же кости, что дети на картинах Серова*» [6, с. 370]. Сравнение с бестелесными изображениями на холсте изначально задает иронический оттенок: слова *мясо, кость* здесь употребляются в переносном смысле. А вот по форме это аллюзия со ссылкой на фразеологизм *испечен (сделан) из того же теста* – ‘быть похожим с другим (по образу жизни, характеру, взглядам)’ [8, с. 457]. В тексте Мандельштама метонимически сформированный семантический компонент этого фразеологического выражения сохраняется – одинаковый ‘материал’ обуславливает одинаковое содержание ‘изделия’, но меняется предметно-образная основа. Не согласующиеся по смыслу сопоставляемые объекты сравнения подчеркивают ирреальность того, что осталось лишь воспоминанием. Для автора это воспоминания детства: «образ, лежащий в основе переосмысления, вызвал психологическое напряжение» [4, с. 180]. Фразеологизм *из того же теста* имеет потенциальное указание на ‘создателей’ (учителя Тенишевского училища), которые формируют, «лепят» своих воспитанников по единому образцу, – этот смысл и присутствует в макроконтексте.

В ходе анализа механизма создания авторских речевых образов на основе образных единиц языка важным показался тот момент, что «правильнее говорить не об абсолютной устойчивости фраземы, а об относительной ее устойчивости» [1, с. 26]. Действительно, в художественном дискурсе сохраняются ассоциативные связи между компонентами фразеологических единств и их генетическими прототипами – словами. При этом фразеологизм опознается, даже если эти слова функционируют в их прямом номинативном значении. Как видно на приведенных примерах, фразеологизм библейского происхождения, даже видоизмененный, сохраняет высокую стилистическую окраску, что позволяет проявить авторскую иронию. Иронический контекст способствует проявлению амбивалентной оценочности. Таким образом, можно говорить о «постоянном пересоздании объема

и содержания культурной коннотации фразеологизма в речи говорящим» [3, с. 159], поскольку в авторском тексте коннотации могут изменяться на противоположные.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Фразеология и паремиология / Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Семененко. – М. : Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т / В. И. Даль. – СПб. : ООО «Диамант», 2002.
3. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры / М. Л. Ковшова. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 456 с.
4. Мандельштам Н. Я. Из «Второй книги» // Мандельштам О. Э. Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 2. Стихотворения. Проза. / Сост. и коммент. П. Нерлера, А. Никитаева. – М. : Арт-Бизнес-Центр, 1993. – С. 6–32.
5. Мандельштам О. Э. Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 1. Стихотворения. Проза. / Сост. и коммент. П. Нерлера, А. Никитаева. – М. : Арт-Бизнес-Центр, 1993. – 368 с.
6. Мандельштам О. Э. Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 2. Стихотворения. Проза. / Сост. и коммент. П. Нерлера, А. Никитаева. – М. : Арт-Бизнес-Центр, 1993. – 704 с.
7. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Изоморфизм между семантикой и формой фразеологической единицы и принципы построения словарных дефиниций / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко // Слово – сознание – культура / Сост. Л. Г. Золотых. – М. : Флинта: Наука, 2006. – С. 211–228.
8. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. – М. : Русские словари, 1997. – 864 с.
9. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова / РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – М. : ООО «ИТИ Технологии», 2003. – 944 с.
10. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Русский язык, 1987.
11. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. Т. 1 / П. Я. Черных. – М. : Русский язык, 2006. – 621 с.

Osadcha Miroslava. Фразеологічні алюзії в художньому дискурсі О. Мандельштама / Мирослава Осадча // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. – 2012. – Т. 25 (64), №2 (1). – С. 206–210.

Фразеологічні алюзії в авторському дискурсі О. Мандельштама – явище досить рідкісне, однак показове для осмислення особливостей мовної репрезентації авторської концептосфери. Розгляд фразеологічних алюзій у художньому контексті дозволяє уточнити нюанси роботи механізму фразеологізації і дефразеологізації значення.

Ключові слова: фразеологічна алюзія, дискурс, фразеологічні трансформи, прецедентне посилання.

Osadchaya Miroslava. Phraseological Allusions in Literary Discourse of Osip Mandelstam / Miroslava Osadchaya // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. – Series: Philology. Social Communications. – 2012. – V. 25 (64), №2 (1). – P. 206–210.

Phraseological allusions in the author's discourse, Osip Mandelstam - a rare phenomenon, but rather a demonstration for understanding features of language representation of the author conceptsphere. Consideration of phraseological allusion in an artistic context allows us to refine the nuances of the mechanism and frazeologizatsiidefrazeeologizatsii value.

Key words: phraseological allusion, discourse, phraseological transforms, case law references.

Стаття надійшла до редакції 28 березня 2012 рок